

ЗА ВОИНСТВУЮЩИЙ МАРКСИЗМ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЛИСТОК

кружка экономического фак-та и ячейки содействия
об-ву воинствующих материалистов диалектиков ЛПИ № 2

ПОД НАУЧНОЙ РЕДАКЦИЕЙ:
профессоров
Я. К. БЕРЗТЫСА
и **Л. М. ШИРВИНДА**
и доцента
И. Х. СЛУЦКИНА

Пятница 15 ноября
1929 г.

Значение материалистической диалектики

Старик Гегель и только он никогда не видал, чтобы его учением интересовались широкие массы.

Если бы он знал, в каком количестве его «Логика» расходится сейчас в СССР и знал, что из читателей его «Логики» лишь очень незначительный процент интересуется философией, как своей специальностью, он вероятно от удивления не только перевернулся бы в своем гробу, но и перевернул бы и сам гроб вместе с собой. Почему в самом деле сейчас существует колоссальный интерес к вопросам диалектики и почему ее необходимо изучать?

Прежде всего потому, что мы живем в эпоху социалистического строительства.

Мы должны создать новое во всех областях теории и практики. Поэтому мы не можем замыкаться каждый в своей области. Нам нужны не просто специалисты, а красные специалисты. Что это значит? Это значит, что от специалиста требуется не только знание своей области, но и умение увязывать ее с общими принципами всего нашего строительства, как социалистического.

Поэтому равнодушие к общим принципам в наших условиях есть определенная политическая линия; оно не безобидно. Это равнодушие означает тенденцию действовать в некоторой области, не связывая ее с общими устремлениями диктатуры пролетариата. Такая тенденция

понятно для нас совершенно неприемлема.

Следовательно, общие принципиальные вопросы возникают в наших условиях повсюду; они актуальны в каждой области теории и практики. Но ведь общие принципиальные вопросы это и есть вопросы философские.

Мы справедливо требуем, чтобы марксизм внедрялся во всю нашу теорию и практику, но ведь марксизм в состоянии выполнить эту задачу постольку, поскольку он сам есть, определенная философская точка зрения — диалектический материализм.

Если еще недавно изучать марксизм значило заниматься преимущественно политической экономией и социологией, то теперь уже невозможно усвоить марксизм, если не обращать внимания на его философскую сторону.

Ибо развитие самого марксизма пришло сейчас к такому положению, когда центральным вопросом стал вопрос о методе. Если вы недооцените этот вопрос, вы не сумеете отличить марксистскую социологию или политическую экономию от буржуазной социологии или политической экономии, не сумеете отличить и диктатуру пролетариата от буржуазной «демократии».

Вопросы метода — это первостепенной важности вопросы. Вот почему нам нужно вникать не только в содержание учения Маркса, Энгельса и Ленина, но и усваивать себе

их метод — материалистическую диалектику.

Отсюда необходимость изучения источника этого метода. Всем известно, что этим источником была философия Гегеля.

Философия Гегеля, конечно, не есть наша философия. Но если мы на этом основании захотели бы игнорировать ее, мы обезоружили бы самих себя. Мы забыли бы, сколь многое из нее было почерпнуто Марксом и Энгельсом.

Нам нужно изучать Гегеля, чтобы выковать свой революционный метод.

Мы должны быть, как завещал Ленин, материалистическими друзьями Гегелевской диалектики.

Умиравший в 1831 году от жестоких обзятий холеры, Гегель не предвидел, чем будет через сто лет стимулироваться рост интереса к его учению.

Что же делать! Гегель мог бы утешиться тем, что и здесь проявилась открытая им диалектика. Его собственное учение перешло в свою противоположность, в которой сохранилось все ценное, все передовое, все революционное, что великий философ сумел продумать усилием своей глубокой мысли.

Будем изучать Гегеля, чтобы лучше и успешнее развивать революционный марксизм-ленинизм!

Будем изучать материалистическую диалектику!

Л. Спокойный.

Как нельзя понимать марксизм

«Введение в финансовую науку» проф. Буковецкого, по заявлению автора, есть первый в финансовой литературе опыт построения на основе марксистской социологии исторического материализма — введение в финансовую науку. Несомненно, что такая попытка является чрезвычайно современной и нужной. Но удалась ли эта попытка проф. Буковецкому? Является ли его работа действительно марксист-

ским исследованием? Попробуем разбраться в этом вопросе.

Итак, проф. Буковецкий считает себя марксистом, а свою работу марксистской. Наиболее важными вопросами при изучении финансовых институтов является установление связи между финансовыми институтами и экономическим фундаментом, на основе которого они возрастают, а также тех классовых отношений, которые выдвигает в

поддерживает тот или иной финансовый институт». Экономический фундамент, классовые отношения — все это привычная для нашего уха и, как будто, марксистская терминология.

Читаем дальше: «В финансовой литературе в большом ходу объяснение появления и существования финансовых институтов случайностью. Такой-то министр придумал, министру удалось, партия провела, правительство добилось — вот выражения, которыми щедро пересыпаны книги по финансовым вопросам».

Проф. Буковецкий не согласен с таким пониманием «движущих сил» эволюции финансовых институтов. Он справедливо замечает, что «не случайность определяет их появление. Смена финансовых институтов

В пятницу 15 ноября в 19 час. веч. состоится диспут

„Марксизм и финансовая наука“

(Обсуждение книги проф. Буковецкого „Введение в финансовую науку“.

определяется исторической необходимостью». («Введение», стр. 28). «Финансовые институты есть один из видов исторических категорий. Финансовые институты есть надстройка над вечно меняющимся базисом» (там же, стр. 59). Наконец, несколько выше читаем: «Научной социологией в настоящее время является исторический материализм. Только стоя на почве исторического материализма, т. е. учения об общественном развитии, разработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом, возможно дать научное объяснение эволюции финансовых институтов». («Введение», стр. 51).

Таких цитат можно привести еще очень и очень много — аналогичными утверждениями изобилует книга проф. Буковецкого. Но наряду с ними мы находим другие утверждения и другие идеи, уже ничего общего с только что сказанным не имеющие. В этом отношении чрезвычайно характерно и интересно понимание проф. Буковецким метода финансовой науки. «Методология финансовой науки должна дать указания, как лучше всего производить анализ общественных отношений, возникающих в сфере финансового хозяйства». Каков же этот метод? Отвечаю словами проф. Буковецкого: «В финансовой науке доказательство причинных зависимостей в области финансовых явлений происходит при помощи... двух основных методов... — индукции и дедукции...». Индуктивный метод продолжает проф. Буковецкий, состоит из 3-х основных видов: 1) метода сопоставления, 2) метода различия и 3) метода сопутствующих изменений».

Но «финансовая наука не может быть построена одним каким-либо методом» (индуктивным или дедуктивным). «Ее понятия, как все научные обобщения, должны неизбежно строиться путем абстракции».

Содержание же последних (т. е. абстракций) должна давать конкретная действительность». (В этой последней выдержке чувствуются следы или, лучше, отзвуки марксистской теории абстракции. Но не будем пока останавливаться, а идем дальше. «Однако, продолжает проф. Буковецкий, нельзя при изучении методологии современной финансовой науки остановиться только на формально-логических вопросах».

Методологической основой марксистского изучения финансовых институтов являются две посылки. Первая заключается в применении к объяснению общественного процесса идеи монизма, т. е. сведения разнообразных причин эволюции общества к одному началу. Второй посылкой является признание основным движущим фактором производства... Кроме того, научная методология марксизма выдвигает положение, что все экономические явления, в том числе финансовые, должны рассматриваться, как явления социальные. И, наконец, — возмущает проф. Буковецкий, — марксистская методология требует применения диалектического метода». Наконец-то и диалектический метод нашел себе применение.

Но от этого применения читатель становится в тупик: очевидно, что марксистский метод проф. Буковецкого отличается от марксистского метода, применявшегося Марксом и, как мне кажется, Маркс не узнал бы своего метода в руках своего последователя проф. Буковецкого.

В понимании проф. Буковецкого марксистский метод и диалектический метод не совпадают: первый значительно «богаче» второго. Марксистская методология является механической суммой нескольких приемов или методов исследования и одним из этих слагаемых является диалектический метод. Таким образом, и диалектика нашла себе применение — проф. Буковецкий, видимо, твердо усвоил, что без диалектики все же обойтись нельзя, но как ее применять в этом вопросе, он придерживается особого мнения. В результате мы имеем «марксистский» метод, довольно далекий от диалектического метода Маркса. Действительно, ведь марксистская методология проф. Буковецкого это — индукция, дедукция, применение к объяснению общественного процесса идеи монизма, признание производства основным движущим фактором, «наконец... применение диалектического метода». Мне кажется, что не боясь бросить проф. Буковецкому напрасного обвинения, я могу взять на себя смелость утверждать, что такое понимание марксистской методологии не только чуждо марксизму, но более того, — оно в корне ему противоречит.

Марксистский метод есть диалектический метод, и всякое противопоставление марксистского метода диалектическому глубоко неверно. Диалектический же метод, как метод революционного марксизма, — единый, включая в себя, как момент, формально-логические методы исследования, соответственно тому, как формальная логика есть момент диалектической логики. В понятие диалектического метода мы включаем также, на то же, как момент, восхождение от конкретного, как хаотического целого, к абстрактному и от абстрактного опять к конкретному, но приведенному к единству множеством определений. Абстрактное при таком понимании не противоположно конкретному; абстрактное содержит в себе в скрытом виде возможности развития конкретных категорий. Обратное — конкретное включает в себе абстрактное.

Что общего имеет теория абстракции проф. Буковецкого с диалектическим методом. Очень мало, чтобы не сказать — ничего. Теория проф. Буковецкого — это обычное формально-логическое понимание общих понятий, чуждое диалектическому материализму. Таким образом, марксистский метод проф. Буковецкого несомненно можно считать не марксистским. Противопоставление марксистского метода диалектическому, формально-логическое понимание основных проблем марксистской методологии, непонимание роли формально-логических методов исследования — все это несомненно «смертные грехи» на марксистской совести проф. Буковецкого.

Очевидно, что при таком понимании марксистского метода нельзя ожидать и марксистского построения финансовой науки. Уже первая фраза, которой начинается «Введение к финансовой науке», не обещает ничего хорошего: «Публично-правовые союзы возникают для удовлетворения коллективных потребностей». Такое начало является для читателя неожиданным сюрпризом, не предвещающим ничего отрадного: после предисловия, обещающего построить введение в финансовую науку на основе марксистской социологии и породившего поэтому такие светлые надежды, читатель чувствует себя горько обманутым. На страницах марксистской работы оживает терминология достойная пера архи-буржуазного экономиста!

Но не будем спешить — быть может отжившая терминология, уцелевшая по небрежности или по рассеянности, наполнена новым содержанием? Однако, в дальнейшем изложении проф. Буковецкий не оставляет в читателе ни малейшего сомнения о том, что именно он понимает под публично-правовым союзом: «Публично-правовым союзом в первую очередь является государство». Но существуют и другие публично-правовые союзы, например приход в Англии, французский департамент и коммуна, английский округ, графство в САСШ — последние «созданы государством в целях лучшего управления страной». Чем вызывается появление публично-правовых союзов? На этот вопрос проф. Буковецкий дает совершенно точный ответ: организация публично-правовых союзов вызывается нарастающим коллективных потребностей. Государство же является «в первую очередь» публично-правовым союзом. Ergo — организация государства вызвана нарастающим коллективных потребностей общества. Очевидно, что такое понимание происхождения государства является несомненным «обогащением» марксистской теории, ибо и до сих пор марксизм скромно обходился классовой теорией государства. (Не могу не высказать, кстати, возникшего во мне по поводу теории государства проф. Буковецкого, недоумения. На странице 173 «Введения» проф. Буковецкий с чувством цитирует Энгельса, соглашаясь с ним в вопросе о классовой характере и происхождении государства и выбрасывая «теорию внеклассового и надклассового государства... как ненужный и вредный хлам». Совместить публично-правовые союзы и классовое государство мне не удалось. Проф. Буковецкому посчастливилось — вероятно ему помог его метод!».

В тесной связи с теорией государства находится другая интересная для характеристики марксистских взглядов автора «Введения» проблема (если здесь вообще понимает проф. Буковецкий под коллективными потребностями? Этот термин фигурирует буквально в каждом «приличном» буржуазном учебнике о финансах. Не отсутствует он и на страницах марксистского «Введения в финансовую науку».

ку» проф. Буковецкого. Этим фактом лишний раз доказывается сила традиции — в данном случае и проф. Буковецкий остался верен почтенным традициям.

Допустимо ли применение коллективных потребностей, как научных категорий в марксистской научной системе? Ответ может быть только отрицательный. Коллективные потребности общества, так как их понимает проф. Буковецкий, выражаются в расходных финансовых институтах: расходы на оборону, расходы по содержанию верховной власти (цивильный лист), расходы на народное образование и т. д. Все это коллективные потребности общества, «нарастание» которых вызвало «организацию публичных правовых союзов». Между тем, именно в этой стороне финансового хозяйства ярко проступает его классовый характер (это несколько ниже признает сам проф. Буковецкий). Кроме того, «ведь финансовые институты нельзя рассматривать вне социальной среды, вне об-

щества и вне классового строения общества» (стр. 58 «Введения»). Но как же от этих утверждений перейти к коллективным потребностям общества, как научной категории? Очевидно, что понятие коллективных потребностей противоречит всем этим требованиям методологии марксизма. Необходимо понять и усвоить, что коллективные потребности, как научная категория, не соединимы с классовой теорией государства, ибо они находятся в различных научных плоскостях, принадлежат к полярно-противоположным научным системам, и являются элементами абсолютно враждебных марксизму мировоззрений. Мирное осуществление того и другого в одной научной системе является теоретическим лягушусом и отнюдь не совместимо с марксизмом.

Кое-где на страницах своей работы проф. Буковецкий говорит о классовой сущности государства, но не придавая, очевидно, значения своим словам, он тут же орудует

с понятием коллективных потребностей, пытаясь тем самым соединить несоединимое. Более последовательной является, поэтому, концепция государства, как публично-правового союза, организация которого вызвана нарастанием коллективных потребностей. Но эта последовательность дорого обходится автору, т. к. назвать эту последовательность марксистской — трудно, как трудно было признать марксизмом еединение коллективных потребностей с классовой сущностью государства.

Отсюда видно, как преврато последствиями применения отжившей терминологии — вместе с устаревшим словоупотреблением в науку проникают не только устаревшие, но и чуждые марксизму идеи.

Вышеизложенным отнюдь не исчерпываются ошибки профессора Буковецкого, хотя, пожалуй, и этих достаточно для того, чтобы сделать нужные выводы; я их не делаю, предоставляю это другим.

Н. Поспелова.

И. Безуглов

Теория „организованного капитализма“ правых оппортунистов

Теория «организованного капитализма» правых оппортунистов противоречит экономической теории Маркса и учению Ленина об империализме, не соответствует капиталистической действительности, дает неверный анализ современного кризиса капитализма и поэтому указывает неверную перспективу развития мирового революционного движения пролетариата. Поэтому она имеет не только академический интерес, но является и чрезвычайно актуальным политическим вопросом, разобраться в ней представляется необходимым для каждого.

Внутри Коминтерна теория «организованного капитализма» наиболее полно и подробно разработана Бухариным. С одной стороны, она проводилась в его статьях, появившихся в этом году в «Правде». В то же время защищаемые им в этих статьях взгляды являются прямым продолжением и развитием его понимания империализма, изложенного им еще в 1915-20 г.г. Жесткая критика его теории империализма Лениным имела только тот единственный результат, что он более осторожно и тонко проводит ее.

Прежде чем излагать теорию Бухарина, необходимо кратко осветить теорию «организованного капитализма» социал-демократии, ибо они имеют много общего между собой.

Теория «организованного капитализма» социал-демократии.

Послевоенный капитализм социал-демократия представляет в таком виде: процесс концентрации идет усиленным темпом. Монополистические организации, все больше обнимая собой хозяйство, превращают капитализм свободной конкуренции, в организованный капитализм.

Организованный капитализм сращивается с государством и благодаря этому государство становится решающей силой в руководстве экономической жизнью страны.

Подобная концепция — еще довольно осторожно — была выражена Гильфердингом в его статье «Современные проблемы», помещенной в № 1 журнала «Die Gesellschaft» за 1924 год.

«В экономике война и послевоенное время означают необычайное повышение тенденции концентрации капитала. Развитие картелей и трестов идет ускоренным темпом. Период свободной конкуренции складывается к концу. Большие монополии становятся решающими властями хозяйства, все теснее становится связь с банками, где концентрируется общественный капитал, предоставляемый в распоряжение хозяйства. Прежде разрозненные формы индустрии, торговли и банковского капитала стремятся к соединению в форме финансового капитала. Это означает переход от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму... Тем самым одновременно растут известный порядок и организация хозяйства, посредством которых стремятся на капиталистическом базисе преодолеть анархию капитализма свободной конкуренции. Если бы такая тенденция могла быть беспрепятственно проведена — в результате получилось бы хотя и организованное, но в антагонистической форме нерыночически организованное хозяйство».

Здесь уже намечены контуры теории «организованного капитализма». Гильфердинг говорит пока только о тенденциях и возможности организации хозяйства на капита-

листической основе. Но эта теория все больше развивается социал-демократами. Тот же Гильфердинг на Кильском съезде социал-демократии в 1927 году уже определенно высказывается об «организованном капитализме»:

«Решающим является то — вещает он — что мы сейчас находимся в том периоде капитализма, в котором в основном эра свободной конкуренции, когда капитализм был подчинен единственно господству слепых законов рынка, оказывается преодоленной и в котором мы приходим к капиталистической организации хозяйства, следовательно от хозяйства свободной игры экономических сил к организованному хозяйству».

И дальше:

«Организованный капитализм означает, следовательно, в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерной продукции».

Здесь уже вполне определенно говорится, что мы находимся в периоде «организованного капитализма». Утверждается, что действие слепых законов уничтожено, конкуренция преодолена и тем самым наступила эра планомерного производства.

На точку зрения «организованного капитализма» становится и Второй Интернационал. Комментируя резолюции Брюссельского конгресса 2-го Интернационала, проходившего в 1928 году, Карл Реннер пишет: «Экономическое постановление исходит из нового факта «организованного капитализма», который в национальных и интернациональ-

ных трестах и картелях ставит на место свободной конкуренции монополии»...

Таким образом теория «организованного капитализма» становится официальной теорией всего 2-го Интернационала.

Эта теория нужна социал-демократии для оправдания ее отношения к государству. Опираясь на нее, она строит такую цепь рассуждений: государство имеет решающее значение в экономической жизни. Трудящиеся массы, благодаря всеобщему избирательному праву, приобрели возможность влиять на государство, следовательно, задача рабочего класса, а значит, и социал-демократии, состоит в том, чтобы овладеть **существующим** государственным аппаратом и этим самым безболезненно вступить в социализм. Поэтому отношение государства должно измениться: «Кто хочет господствовать над хозяйством, для того нет другого решающего средства, кроме государства! — восклицает Карл Реннер. В многочисленных параграфах Брюссельской, экономически использовать государство, господствовать над государством».

И дальше:

«В кратких словах: государство, каким мы теперь его имеем, государство, все еще основанное на классовых противоречиях, рассматривается, как превосходнейшее и ближайшее средство социализации, как попутчик и помощник, а не как абсолютное препятствие, которое следует устранить, прежде чем возможно будет приступить к социальным реформам».

Гильфердинг на Кильском съезде говорит, что «нашему поколению поставлена проблема с помощью государства, с помощью сознательного общественного регулирования это организованное и руководимое капиталистическим хозяйством преобразовать в хозяйство руководимое демократическим государством. Отсюда следует, что проблема, которая поставлена нашему поколению, не может быть не чем иным, как социализмом».

Так завершается логический круг. Социал-демократия, опираясь на теорию «организованного капитализма», думает при помощи буржуазного государства строить социализм.

Какая подлая, продажная концепция!

Теория «организованного капитализма» Бухарина

Наиболее подробное понимание Бухариным современного капитализма изложено им в его ранних работах. Мы будем пользоваться его прежними работами еще и потому, что современная позиция Бухарина логически вытекает из его теорий империализма и будет понятна только в связи с ней.

В общих чертах процесс развития и современное состояние капитализма характеризуется Бухариным следующим образом: Процесс концентрации капитала приводил к тому, что постепенно отдельные единичные предприятия сливались в объединения все большего разме-

ра. Сначала объединялись отдельные предприятия в более крупные. Затем возникают монополистические объединения, которые постепенно обнимают собой всю соответствующую отрасль промышленности. Наконец, путем комбинатов, концернов, обществ участия и т. д. происходит объединение различных отраслей промышленности и таким образом образуются «государственные капиталистические тресты», которые обнимают все хозяйство страны, представляют единое целое и функционируют одним аппаратом.

Параллельно процессу объединения промышленности идет процесс уничтожения конкуренции внутри объединений и переход ее на отношения между объединениями. Наконец, «конкуренция переходит в наивысшую последнюю из мыслимых ступеней развития: **конкуренцию государственных капиталистических трестов на мировом рынке**».¹⁾

Этот процесс монополистического объединения, по мнению Бухарина, изменяет всю структуру капитализма. Прежде всего он вытесняет все присущее эпохе промышленного капитализма и изменяет самые производственные отношения капиталистического общества. Исчезает капиталистический индивидуализм, т. е. исчезает основа его — отдельное частное предприятие. Капиталисты различными способами связаны друг с другом; они уже представляют коллективного капиталиста.

«Так создается система **коллективного**», — пишет Бухарин, — которая до известной степени противоположна по своей структуре капитализму в его прежних формулировках. Отдельный капиталист исчезает: он превращается в *Verbandskapitalist'a*, в члена организации; он уже **не конкурирует** со своими «земляками»; он **кооперируется** с ними, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а внутри страны конкуренция замирает».²⁾

И еще: «Несомненно, что война вызвала целый «промышленный переворот» и революционизировала (в этом условном смысле) экономический фундамент, уничтожая с **колоссальной быстротой капиталистические отношения, которые уже устарели**».³⁾

Наконец, в «Экономике переходного периода» Бухарин пишет: «Следовательно и этим путем **капиталистические производственные отношения превращаются в государственные - капиталистические**, а различные виды капиталистического дохода нивелируются, превращаясь в своеобразный «дивиденд», **выплачиваемый единым коллективно - капиталистическим предприятием, единой акционерной кампанией, трестом**, каковым является империалистическое государство».⁴⁾

То же самое повторяет Бухарин и в своих статьях в «Правде». Он говорит о конце «индивидуалистического капитализма», о «коллективно-капиталистическом хозяйстве», «государственно - капиталистических» производственных отношениях и т. д. Далее, исчезают **органически** присущие капитализму особенности: рынок и товар, конкуренция, анархия производства, кризисы

и т. д. Они сменяются организованным производством и распределением, а категории товарного хозяйства имеют только формальное значение.

Об этом Бухарин говорит во всех своих работах, посвященных современному капитализму:

«**Финансовый капитал** уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран»⁵⁾.

«Товарное хозяйство здесь (т. е. в отношении мирового хозяйства. П. Б.) не исчезает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь организованным распределением»⁶⁾.

«**Капиталистическое народное хозяйство превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию**, из бессубъективного хозяйства в хозяйствующий субъект».

Наконец, наиболее обобщающая формулировка: «Итак, **реорганизация производственных отношений финансового капитализма шла по пути к универсальной государственно - капиталистической организации с уничтожением товарного рынка, с превращением денег в счетную единицу, с организованным в государственном масштабе производством, с подчинением всего «народно - хозяйственного» механизма целям мировой конкуренции, т. е. в первую голову войны**»⁷⁾.

В своих статьях в «Правде» Бухарин защищает те же взгляды. Размеры статьи не позволяют подробнее на этом останавливаться.

Таким образом у Бухарина остается только антагонизм классов **внутри** страны и борьба между государственным и частным. Все прочие **внутренние органические** противоречия капитализма исчезли.

Надо сказать, что теория Бухарина, вопреки его личным стремлениям, при своем логическом развитии, прямым путем ведет к ультраимпериализму. Ведь если процесс концентрации и централизации объединил всех конкурентов внутри страны; если осталось несколько крупных монополистических конкурентов в виде государств, то что мешает этому процессу идти дальше? С точки зрения теории Бухарина для этого нет никаких логических оснований. Собственно, сам Бухарин об этих перспективах говорит. Он говорит о тенденциях к единому «интернациональному» тресту, о «синдикатах государственно капиталистических трестов» и т. д. Можно было бы привести много цитат для иллюстрации этого положения.

Однако, Бухарин возражает против ультраимпериализма и это говорит о логической непоследовательности его и противоречии самому себе.

Из теории «организованного капитализма» неизбежно вытекает неверное понимание современного кризиса капитализма. По мнению Бухарина, кризис капитализма выражается: в противоречиях между СССР и капиталистическим миром, между империалистическими госу-

дарствами и колониями, между отдельными империалистическими странами и в классовом антагонизме внутри страны. Это логически вытекает из его теории. Раз внутренние противоречия капитализма устранены, то не может быть иных противоречий, кроме перечисленных. Однако, современный кризис капитализма выражается не только в этих противоречиях, но и в других глубоких внутренних органических противоречиях капитализма, достигших теперь необычайной остроты. Более подробно мы осветим это в следующей статье.

Неверная оценка современного кризиса капитализма влечет за собой неверную перспективу развития революционного движения пролетариата. Признание главным противоречием стабилизации обострение борьбы между капиталистическими странами неизбежно должно привести к ориентации на пролетарскую революцию только через империалистическую войну. А при несомненном росте революционного движения это должно вызвать пассивность рабочего класса.

(Окончание следует).

1) Бухарин. «Мировое хозяйство и империализм», стр. 115.

2) Сборник. «Революция права», стр. 17.

3) Там же, стр. 18, подчеркнуто мной. И. Б.

4) Бухарин «Экономика переходного периода», подчеркнуто мной.

5) Там же, стр. 10.

6) Там же, стр. 14.

7) Там же, стр. 34.

Е. Ромм

Переходное хозяйство, как объект теоретического анализа

(В порядке обсуждения)

Вопрос о необходимости теоретического изучения советского хозяйства является вопросом бесспорным, вопреки мнению авторов пространственных «Очерков переходной экономики» Леонтьева и Хмельницкой. Указанные авторы утверждают, что «ни статика, ни динамика после-капиталистической экономической структуры общества не содержат проблем теоретико-экономического порядка» (стр. 27), и что «для переходной экономики нельзя создавать особой теоретической системы, ибо это встанет в вопиющее противоречие с основами марксистской теоретико-экономической идеологии» (стр. 80. Очерки).

Ошибочность этой точки зрения заключается в следующем. Во-первых, что считают авторы «после-капиталистической экономической структурой общества»? Если речь идет о социалистическом строе, то это положение совершенно правильное, но ход дальнейшего рассуждения Леонтьева и Хмельницкой показывает, что у них речь идет о переходной экономике; переходная же экономика несомненно подлежит теоретическому изучению, об этом свидетельствует хотя бы такой общезвестный элементарный факт, как существование рыночных отношений, как формы связи социалистического и мелко-товарного секторов нашего хозяйства.

Во-вторых, Маркс неоднократно подчеркивал, что наука становится излившей лишь там, где форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадают, т. е., где форма проявления экономических явлений и их содержание не являются противоречащими друг другу, что ни в коем случае не применимо к переходному (от капитализма к коммунизму) периоду, сущность которого и заключается в устранении этих противоречий и который потому и называется переходным, что он содержит в себе ряд противоречивых, противоположно развивающихся элементов, анализ которых может быть дан только при теоретическом изучении, освобо-

ждающем эти элементы от ряда внешних моментов, скрывающих их существо.

Эти краткие замечания, конечно, не исчерпывают вопроса, но, тем не менее, мы ограничимся ими и перейдем к вопросу о том, что является особенностью советского хозяйства, как объекта теоретического анализа.

Своеобразие его заключается в следующем: как известно, основным противоречием капиталистического общества Маркс считал то, «что на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами». (К. Маркс, предисловие к «Критике политической экономии»).

Капитализм в эпоху империализма именно вследствие того положения, что производственные отношения являются оковами для развития производительных сил, и есть загнивающий, умирающий общественный строй.

Характерно ли указанное противоречие для переходной экономики? Безусловно нет. Мы попытаемся доказать, что для советского хозяйства это противоречие представляется в перевернутом виде — «наизнанку». Общая формулировка указанного положения такова: в условиях переходной экономики не производственные отношения задерживают развитие производительных сил, а наоборот: низкий уровень развития производительных сил задерживает развитие относительно более высокого типа производственных отношений. Чтобы это утверждение не казалось парадоксальным, нужно сказать следующее: во-первых, само собой разумеется, что и в условиях переходной экономики производительные силы, а не производственные отношения в конечном счете определяют развитие общества.

Во-вторых, под низким уровнем развития производительных сил следует понимать относительно их более низкий уровень по сравнению с тем, каким должен быть этот уровень для осуществления социалистического строя. Никто, конечно, не может сказать определенно, каков же должен быть уровень производительных сил для построения социализма, но поскольку их развитие задерживалось производственными отношениями капиталистического общества, основанными на частной собственности, можно говорить об относительно низком уровне их развития.

Здесь могут возникнуть такие вопросы: 1) низкий уровень развития производительных сил является характерной чертой только для России, а поскольку речь идет о переходной экономике вообще, независимо от национальных рамок, то это положение теряет свою силу; 2) если признать это положение общим для переходного периода любой страны, то каким же образом в условиях капитализма может возникнуть конфликт между производительными силами и производственными отношениями?

Что первое положение является общим для переходной экономики вообще, доказывает следующее: производственные отношения капиталистического общества задерживают рост производительных сил, следовательно, в развитии производительных сил таится потенциальные возможности, которые смогут развернуться только при иных общественных отношениях, при иных организационных формах, следовательно опять-таки для переделки производственных сил и создания фундамента социалистической экономики необходим переходный период. Сюда входит также и задача переделки и обобществления мелкого товарного производства, в той или иной степени присущего любой капиталистической стране. Отсюда неизбежность переходного периода и международное значение НЭПа, «как рыночных форм хозяйственной связи» (Прогр. Коминтерна, стр. 65).

Конфликт между производительными силами и производственными отношениями возникает потому, что производительным силам, по выражению Маркса, становится тесно в рамках старых производственных отношений, что они переросли эти рамки, хотя и не развиделись полностью для построения социалистического общества. Было бы неправильным понимать это таким образом, что в недрах капитализма не созрели материальные предпосылки для нового общественного строя. Маркс писал, что ни одна общественная форма не может возникнуть раньше, чем созреют материальные условия ее существования в лоне старого общества. Материальные условия для социалистической революции, конечно, созрели, но ведь ясно, что социалистическая революция является лишь началом движения к социализму, но это еще не социализм. Построение последнего возможно лишь при устранении вышеуказанного противоречия. Если встать на эту точку зрения, то будет ясна и неизбежность именно той политики, внутренне присущей переходному периоду, которая в данное время проводится пролетариатом Советского Союза.

Длительность или краткость переходного периода будет зависеть в конечном счете именно от уровня производительных сил, но вопрос о длительности и краткости — вопрос времени, ничего не существуя не меняющий в наших рассуждениях. Необходимо подчеркнуть, что указанное противоречие является особенно характерным все же для переходной экономики СССР. Здесь суть дела заключается в следующем. Вследствие закона неравномерного развития капитализма и целого ряда других экономических, политических и социальных предпосылок, на которых здесь не место останавливаться, социалистическая революция произошла на одном из слабых участков империалистического фронта, в капиталистически отсталой по сравнению с западно-европейскими государствами, стране, в России.

Создался новый тип производственных отношений, являющийся наиболее высоким, передовым типом этих отношений во всем мировом хозяйстве. Но высокому типу производственных отношений соответствует крайне низкий, отсталый уровень производительных сил. В брошюре «О современной экономике России» Ленин так формулирует эту мысль: «... мы, пролетариат России, впереди любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем позади самого отсталого из западно-европейских государств по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному введению социализма». Однако, «непоправимой ошибкой», по мнению Ленина, было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических сил и силы политической, то «следовательно, не надо было брать власти». Свообразие положения заключается в том, что сначала созданы предпосылки для

построения социализма, а потом уже начато само движение к социализму.

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры, то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» (Ленин «О нашей революции», последние речи и статьи, стр. 37). Материально-техническая отсталость является тормозом для развития социалистических производственных отношений в наших условиях, но производственные отношения в условиях переходного периода активно воздействуют на производительные силы, способствуя их развитию в отличие от капиталистических отношений, служащих тормозом для развития производительных сил. Отсюда задачи и целевые установки нашей экономической политики, направленные к преодолению противоречий между производительными силами и производственными отношениями и созданию материально-технической базы для «введения социализма». Конкретно это выражается в процессе социалистической реконструкции страны, заключающейся как в переделке производственных сил, так и в процессе трансформации производственных отношений.

Процесс индустриализации страны, составная часть социалистической реконструкции, есть процесс расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений. Как конкретно будет протекать социалистическая реконструкция в той или иной стране, это будет зависеть от целого ряда исторических, социальных, географических условий. Но основное ее содержание, сводящееся или к развитию тяжелой индустрии в странах, где последняя недостаточно развита, или преодолению противоречия между сельским хозяйством и промышленностью, — противоречия с неизбежностью вытекающего из сущности капиталистического строя, это содержание является неизбежностью для любой страны.

Темп роста тяжелой индустрии и возможность некапиталистического пути развития мелко-товарного производства обеспечивают расширенное воспроизводство в наших условиях. Ошибкой было бы, однако, думать, что процесс переделки производительных сил будет плавным, эволюционным «врастанием» переходного периода в социализм. Устранение основного противоречия переходной экономики произойдет, в отличие от капитализма, хотя, конечно, и не путем взрыва существующих общественных отношений, но тем не менее нельзя упускать из виду и здесь скачкообразность развития и процесс борьбы социалистических элементов с капиталистическими. Процесс переделки производительных сил есть вместе с тем и процесс переделки

производственных отношений, сопровождающийся борьбой отдельных классов, являющихся носителями данных отношений.

Именно с этой точки зрения рассмотрение и анализ советского хозяйства должны непременно браться в динамике, ибо только исследуя его таким образом, мы поймем тенденцию его развития, точно также, как Маркс, исследуя капиталистическое общество в динамике, открыл закон движения капитализма.

В данной связи необходимо также остановиться на вопросе о методе теоретического анализа советского хозяйства. Как известно, при установлении экономических законов капитализма Маркс пользовался абстрактно-аналитическим методом восхождения от абстрактного к конкретному. Надо, однако, помнить замечания Маркса по этому поводу, что «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное». (Основные проблемы политической экономии, К. Маркс. «Введение к критике», стр. 25). Самые общие абстракции имеют смысл только тогда, когда при помощи них мы можем объяснить конкретную действительность во всем ее многообразии. Возникает вопрос: в какой мере метод Маркса применим для исследования переходной экономики? В основном, применение метода Маркса является несомненно правильным, однако, правильность метода не является еще доказательством его правильности при применении на практике. Механическое перенесение метода Маркса в наши условия может привести к тому, что нельзя будет объяснить индивидуальные особенности нашей эпохи. Примером такого механического применения на практике метода Маркса служит статья Брудного «Наброски с методологии советского хозяйства» («Большевик» № 11 за 1928 г.).

Исходя из того, что при анализе капиталистического строя Маркс брал за основу господствующий тип производственных отношений, так называемый «чистый капитализм», автор считает возможным и для переходной экономики исследовать «чистый» тип производственных отношений — социализм. Правильно ставя вопрос о необходимости общего абстрактного определения советского хозяйства, как объекта изучения, автор допускает в дальнейшем анализе грубую ошибку, невольно скатываясь к позиции Преображенского.

Предоставим слово автору: «следует поэтому вернуться к нахождению абстрактного определения советского хозяйства в недрах одного типа производственных отношений. Какой это будет тип? Социалистический тип». («Большевик» № 11 за 1928 г., стр. 79). Отговариваясь, что между абстрактным определением советского хозяйства и его конкретным определением имеются глубокие противоречия, автор все же считает, что «в основу теории советского хозяйства следует положить изучение социали-

стического типа производственных отношений, как господствующего по своему удельному весу, по своей исторической тенденции во всем советском хозяйстве». (Там же, стр. 81).

Но, во-первых, взяв чистый капитализм, как господствующую систему, Маркс ограничивал пределы абстракции, и в частности никогда и нигде не абстрагировался от классового строения общества, ибо последнее составляет существо капитализма. Беря же «чистый» социализм в наших условиях, нам придется абстрагироваться от классового строения общества, а это означает абстракцию от того, без чего сама абстракция теряет всякий смысл, становится тощей, бесплодной, ничего не объясняющей, а поэтому и никому ненужной. В самом деле, как можно анализировать только социалистический сектор нашего хозяйства. Ведь это значит не объяснить самого главного, что подлежит объяснению, не объяснить формы связи между социалистическим сектором и мелко-товарным производством. Устранить из поля зрения исследователя мелко-товарное хозяйство в условиях переходной экономики — все равно, что устранить от исследования классовое строение общества при капитализме. Это — во-первых, а во-вторых — социалистический тип производственных отношений вообще не подлежит теоретическому изучению в том смысле, о каком идет речь здесь, ибо здесь обмен веществ между обществом и природой «ставится под свой

общий контроль ассоциированными производителями, вместо того, чтобы он, как «злая сила, господствовал над ними» (Маркс).

Советская хозяйственная система есть система товарно-социалистическая. Уже сам этот термин подчеркивает противоречивость данной системы. Качественно иная структура общества находит свое выражение в товарной форме. Социалистические производственные отношения проявляются в товарной форме. В этом вся трудность вопроса и все его существо. Ленин считал, что «не только связь между промышленностью и крестьянским хозяйством, но и связь между отраслями промышленности происходит при посредстве обмена. Если считать, что товарно-меновая форма является формой, не существом, тогда нечего изучать и экономику переходного периода». Что значит, что товарно-меновая форма по Ленину является существом? Ничто иное, как то, что в основу теории советского хозяйства должно быть положено двух-классовое строение общества, изучение взаимоотношений пролетариата и крестьянства, основа же этих отношений — рыночная связь. Особенность рыночных отношений в наших условиях заключается в том, что они несут в своем развитии и собственную гибель.

Итак, подводя итоги вышесказанному, мы можем сделать следующее заключение: отправным пунктом теории советского хозяйства должно явиться противоречие между производственными отношениями и производительными сила-

ми. В условиях капиталистического общества это противоречие разрешается путем взрыва существующих производственных отношений, у нас, повторяем, оно является измененным и находит свое разрешение в процессе социалистической реконструкции, понимаемой нами как со стороны технической, так и социально-экономической. Составной частью этой реконструкции является процесс индустриализации страны. Такой процесс будет иметь место до тех пор, пока количественные изменения производительных сил не перейдут в новое качество, то есть количественный рост социалистических элементов достигнет такой степени развития, при котором не будет возможно существование товарного хозяйства, а это в свою очередь означает построение социалистического общества. Теория советского хозяйства, исходя из двухклассового общества, должна ответить на вопрос: каков механизм регулирования взаимоотношений этих двух классов, каковы тенденции их развития и за формой проявления вскрыть сущность экономических явлений.

В пределах данной статьи не было возможности более подробно развить указанные положения. Мы все же пытались поставить ряд вопросов, широко дискутируемых в нашей литературе и имеющих, безусловно, актуальное значение. Если эти вопросы подвергнутся обсуждению на страницах научного листка экономического факультета и помогут их дальнейшему выяснению, то задача настоящей статьи будет выполнена.

Г. Гурари

К спорам о предмете политической экономии

(В дискуссионном порядке)

Помещенная в первом номере Научно-Теоретического листка статья тов. Иванова «К спорам по вопросу о предмете политической экономии» несомненно привлекла внимание читателей серьезностью подхода и глубиной содержания.

Интерес, возбуждаемый этой статьей, однако, действителен. Субъективный интерес любителей теоретического чтения с изыском вознаграждается странством по прихотливым путям логических рассуждений тов. Иванова. Напротив, объективная потребность в последовательных выводах встречает очень мало пищи для своего удовлетворения.

Позиция тов. Иванова в дискуссионных вопросах марксистской политической экономии чрезвычайно распространена — в этом ее общая вредность. В отличие от многих «вождей» нашей экономической мысли, она укреплена, однако, весьма добросовестно — и в этом ее специальный интерес, обуславливающий необходимость дискутировать с тов. Ивановым.

Тов. Иванов все наступление ведет строго замаскированно, а свое главное оружие берет из арсенала

противника. Стержень антирубиновского обвинения тов. Иванова заключается в **специфичности**. Рубин, по мнению тов. Иванова, дает «верное абстрактное определение предмета политической экономии», как системы производственных отношений товарно-капиталистического общества, но не понимает реального объекта ее исследования. Этот последний — диалектически правильно умозаключает тов. Иванов — должен лежать в познании «специфической формы взаимоотношений формы и содержания, производственных сил и производственных отношений».

Как известно, теоретическая деятельность Рубина в основном сводится к развитию марксистско-политической экономии, именно, в этом направлении *). Следовательно, в самой постановке проблемы объекта тов. Иванов отнюдь не расходится с Рубиным, хотя обзац, где обнаруживается столь трогательное единение, начинается и кончается заявлением о «неверном понимании» Рубина.

Но может быть тов. Иванову не нравится самая суть Рубиновского

решения вопроса, то в чем именно находит он — Рубин — специфическую природу товарно-капиталистического общества. Абзац, следующий за цитированным, разрушает и эту последнюю надежду. Тов. Иванов и здесь не может не согласиться: «Вскрывая в главе о товарном фетишизме специфическую природу товарно-капиталистического общества, Рубин совершенно верно исходит из понимания его, как **материально связанного и в то же время состоящего из внешне самостоятельных частных товаров-производителей**. Отсюда овеществление производственных отношений, персонификация вещей, образование экономических форм вещей».

Итак, тов. Иванов согласен с Рубиным и в постановке и в решении проблемы специфического объекта политической экономии. Каково бы, ему следовало бы только в двух строках выразить причастующие случаю чувства и поставить точку. Увы! Далее следует мастерской скачок, внушающий серьезные опасения за логическую безопасность построений т. Иванова:

«Но не обязывает ли все это к признанию более глубокой связи между процессом труда вообще и установлением производственных отношений», — спрашивает т. Иванов, и далее очень хорошо и подробно доказывает, что действительно:

«... из общей природы товарного хозяйства, где дана материальная связанность и одновременно известная самостоятельность частных хозяйств, вытекает, что в диалектику производственных отношений включена и внутренняя логика развития производительных сил» (7 абзац).

Присмотримся ближе к ходу мысли тов. Иванова:

1) Общее определение предмета политической экономии, данное Рубиным, недостаточно. Надо выяснить специфическую определенность формы товарно-капиталистической системы (первые пять абзацев).

2) Теория овеществления производственных отношений правильно нащупывает основные узлы этой специфичности. Связь производительных сил и производственных отношений в товарно-капиталистическом обществе дана именно в процессе образования экономических форм вещей. Здесь понимание Рубина «совершенно верное» (6 абзац).

3) Очевидно, в таком познании экономических форм и следует видеть реальную задачу политической экономии. Лишь изучая вещиные формы производственных отношений, мы проникаем в реальное строение производственного аппарата товарно-производящего общества, схватываем неуловимую на поверхности связь «сил» и «отношений».

Таково должно было бы быть содержание 7-го абзаца обсуждаемой статьи. Каково оно в действительности — показывает вышеприведенная цитата. Налицо недопустимый логический скачок: дойдя до признания, что известная связь выражается в образовании экономических форм, тов. Иванов неожиданно делает «налево кругом» и с несокрушимой последовательностью доказывает, что роль этих форм сводится к отсутствию связи! «Связь» родила формы — отчего бы формам не привести к связи?

Сделанная тов. Ивановым логическая ошибка тем опаснее, что она замаскирована не только от взоров читателя, но и от автора. Между тем, значительная часть критиков Рубина в этом вопросе пользуется той же аргументацией. Тем сильнее следует протестовать против подобной замены необходимости определенных выводов некоей каруселью в рассуждении.

Неудивительно, что дальнейшие доводы тов. Иванова оказываются направленными против него самого. Так в вышеприведенном заключительном положении 7-го абзаца введение производительных сил в сферу политической экономии производится через ту же «материальную связь и одновременно известную самостоятельность частных хозяйств», которая в конце 6-го абзаца

служила основой овеществления производственных отношений. Обе дедукции вполне правильны, и их общий результат совершенно очевиден: политическая экономия должна изучать овеществленные производственные отношения, т. е. движение производительных сил уже дано в них, и только в них — как предпосылка.

После этого по достоинству может быть оценен следующий тезис тов. Иванова:

«Для нас процесс труда вообще входит в политическую экономию, но не как таковой, а со стороны внутренней связи его с развитием производственных отношений. У Рубина же с признанием производительных сил лишь предпосылкой на долю политической экономии достается изучение не материального процесса в его особой исторической форме, а лишь эта форма оторвана от процесса труда вообще».

Предпосылкой логики называется необходимое предварительное осознание некоторого вывода. Если это основание внутренне не связано со своим следствием, то даже с точки зрения формальной логики — тем более диалектической — оно предпосылкой служить никак не может. Противопоставление «внутренней связанности» и «предпосылочности» неправильно, вообще. Вдвойне неверно оно по отношению к определению Рубина, в котором оба термина употреблены в совершенно одинаковом смысле: «каждая из указанных двух наук (наука об общественно-технической и теоретической политической экономии), имея предметом своего изучения одну сторону единого процесса производства, предполагает наличие другой его стороны в качестве предпосылки своего исследования. Иначе говоря, хотя политическая экономия изучает производственное отношение людей, но она всегда предполагает неразрывную связь их с материально-техническим процессом производства и имеет предпосылкой своего исследования определенное состояние и процесс развития материальных производительных сил» 3).

Решив вопрос о производительных силах и производственных отношениях, четко и разносторонне определив их отношение, как «неразрывную связь», «предпосылку другой стороны единого процесса», как причинное взаимодействие, Рубин методологически правильно сосредотачивает свое внимание на выделении одной из сторон этого единства противоположных определений общества, которое и послужило бы специфическим объектом политической экономии. Иванов предпочитает действовать иначе. Вместо вопросов взаимоотношения образования социальных форм вещей с исторической динамикой производственного аппарата общества в поле внимания читателя вводится взаимоотношение производительных сил и производственных отношений вообще. Диалектика вещей в форме необходимо присущих в товарно-капиталистическом обществе социальным отношениям (6 и 7 абзацы), не-

заметно подменяется общими закономерностями движения производительных сил и производственных отношений (9 абзац).

Преодолевая путаницу, царящую в нашей учебной экономической литературе, с понятиями «формы» и «содержания», при чем форма обязательно «социальная», а содержание «материальное», можно было бы так сформулировать суть нового поворота мысли тов. Иванова: интерес обсуждаемого вопроса сосредоточен, прежде всего, в области взаимоотношений вещейной формы и социального содержания; и вот как раз в тот момент, когда все более ясно обнаруживалось, что образование вещейных форм социальным содержанием товарно-капиталистического общества есть в то же время и принятие социальных форм его материально-техническим содержанием и, что, следовательно, познание второго мыслимо лишь, как изучение первого отношения — в этот момент тов. Иванов переключает рассуждение исключительно на это второе соотношение. Тем самым в специфичность капитализма, о которой, так хорошо рассказано у тов. Иванова, начисто отсечена от живого тела экономической науки.

И теперь уже не трудно доказать, что производительные силы вовсе не только предпосылка. Для науки, изучающей «чистую» связь производительных сил и производственных отношений вне ее исторической формы, понятие производительных сил — основное, предметное понятие; в такую науку процесс труда войдет, отнюдь не как предпосылка. Но, что это за наука? Неудачно было бы назвать ее «наукой об общественной технике» — с этим термином, как впрочем, и с рядом других, Рубину не повезло. «Немногие, имеющие применение к производству и обмену вполне всеобщие законы изучает политическая экономия в широком смысле» 4). В трудах Маркса мы имеем огромный материал для этой науки. Но и до сих пор вполне современным является замечание Энгельса, что «такая политическая экономия в широком смысле этого слова еще должна быть создана» 5). Та же политическая экономия, которая «сделалась достоянием истории, представляет собой научное рассмотрение экономических вопросов в период капиталистического производства» 6). И для этого выделения изучения товарно-капиталистических производственных отношений в особую дисциплину существуют глубокие основания. Именно: «в капиталистическом производстве — следовательно, в его теоретическом выражении в политической экономии» 7), мы имеем дело не с «непосредственно общественными отношениями самих лиц и их работ, а, напротив, с вещественными отношениями лиц и общественными отношениями вещей» 8). Это-то и дает реальную точку политической экономии в узком смысле слова, так

(Окончание в след. №)

Издатель РЕДКОЛЕГИЯ